

УДК 339.9(470) + 339.92:061.1

А. В. Лямзин

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Раскрываются взгляды российских специалистов в области международных отношений на природу, задачи Шанхайской организации сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений. Анализируется обусловленность различных концепций их политическими пристрастиями, принадлежностью к определенным политическим партиям, влиянием на российских ученых их западных коллег.

Ключевые слова: ШОС, Урал, Центральная Азия, Китай, НАТО, евразийцы, реалисты, либералы, неомарксисты.

Несколько лет Екатеринбург жил ожиданием саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В 2009 г. даже традиционный новогодний ледовый городок в столице Урала посвятили этому событию. На старинной площади выросла ледовая крепость, очень напоминающая своими очертаниями Великую китайскую стену. Метафора ШОС как ледяной крепости очень интересна. Глядя на нее, хочется понять, что значит ШОС для России и Урала? Это бастион новой холодной войны, который растает с приходом оттепели или новый рубеж китайской экспансии?

За этим событием и этой организацией будут пристально следить из многих мировых столиц. В каждой из них свое видение ШОС и перспектив ее развития. Особенно интересно понять, каким образом воспринимают потенциал и перспективы ШОС наши областные власти, как их подходы вписаны во внутрироссийский внешнеполитический дискурс.

На сегодняшний день существуют различные классификации российских подходов к теории международных отношений. Одну из них предлагает А. П. Цыганков. Он выделяет пять подходов: «западников», геоэкономистов, «стабилизаторов», «экспансионистов» и «цивилизационщиков» [17, 3–17]. Важность этой работы в том, что она показывает деление концепций именно в отношении европейско-азиатского выбора России.

Более универсальной и удобной, на наш взгляд, является классификация, предложенная А. А. Сергуниным. Он выделяет атлантистов («западников»), евразийцев (демократической и славянофильской версий), реалистов, либералов, неомарксистов и постмодернистов [14, 97–122]. Кажущаяся пестрота существующих школ и то, что они имеют отличия от классических западных теорий международных отношений, по мнению А. А. Сергунина, объясняется тем, что они «развивались в ответ на политические и идеологические, а не

ЛЯМЗИН Андрей Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России и стран СНГ факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (E-mail: lyamzin@mail.ru).

теоретические проблемы [14, 61]. Вместе с тем «многие школы пришли в настоящее время к соглашению по общим принципам... Эти принципы включают приоритет национальных интересов, активной внешней политики, а также внутренних реформ и обеспечения безопасности. Реализм сыграл значительную роль в формировании этих принципов» [Там же, 119]. На наш взгляд, данный тезис вполне заслуживает поддержки. Действительно, российские теории международных отношений все больше приближаются к западному варианту классификации, за исключением наличия самобытной школы евразийцев и неомарксистов, которые смещаются к реализму, испытывая одновременно симпатии к евразийству.

Применительно к анализу ШОС, на наш взгляд, актуально будет рассмотреть подходы реалистов-государственников, неомарксистов, либералов и евразийцев.

В России, которая является одним из лидеров ШОС (не случайно официальные языки организации русский и китайский), в официальной внешнеполитической стратегии последние восемь лет господствует концепция реализма. Популярна она и в среде аналитиков. К таким исследователям, на наш взгляд, можно отнести профессора МГИМО С. Г. Лузянина. Он считает, что интересы России и Китая совпадают, а это поможет решить многие политические проблемы: «С согласованным мнением России и Китая не может не считаться ни один актор международных отношений» [9, 61]. Не пугает автора и экономическая гегемония Китая: «В Москве приветствуют готовность Китая стать локомотивом создания на имеющейся основе ШОС нового экономического пространства от Тихого океана до Европы» [Там же, 65]. В своей отдельной работе «Восточная политика Владимира Путина» С. Г. Лузянин с симпатией пишет о притягательности ШОС для многих стран Востока, которые желают жить в мире без американского диктата: «Мировой рейтинг ШОС растет буквально на глазах, десятки стран “выстроились в очередь” на вступление» [10, 336].

Несколько больше скепсиса в серьезной монографии Е. М. Кузьминой «Геополитика Центральной Азии»: «...Свободная зона с Китаем несет немалые риски: китайские товары могут вытеснить с рынка российских производителей, а китайские рабочие — резко изменить социальную и демографическую ситуацию на Дальнем Востоке» [8, 151]. Вместе с тем, по ее мнению, Россия не должна уходить от вопросов экономического взаимодействия, чтобы иметь возможность контролировать и корректировать действия Китая.

Либеральные исследователи (они же атлантисты-западники) находят в официальной версии сотрудничества множество изъянов. Главным из них является беспечный «флирт» России с Китаем в рамках ШОС, который влечет необоснованные уступки Китаю и удаление России от Запада. Евгений Трифонов, например, подчеркивает, что «у Китая в силу его политического менталитета никаких союзников быть не может <...> “союзники” откровенно глумились над нашими военными во время первых совместных учений в прошлом году» [15, 26].

Сомнения в потенциале России характерны для западников, или, говоря более сдержанно, они склонны более точно просчитывать соотношение ресурсов и потребностей государства, а также адекватно оценивать свои силы

в глобальном соперничестве с державами Запада или Востока. С их точки зрения, важнее отказаться от мессианских идей в пользу эффективных внутренних преобразований.

Редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов в своей более взвешенной статье приходит к аналогичным выводам. Свое мнение он излагает более обтекаемо: «Москва не имеет права позволить себе и иллюзий по поводу того, в какой степени ее долгосрочная траектория может совпадать с китайской», поскольку в грядущем «беспольном» мире России предстоит выравнивать баланс отношений, «тогда может оказаться, что “мир без Запада” для России опаснее, чем даже ненавистная “однополярность”» [11].

Еще более четко определяет свою позицию «Новая газета»: «Пока в Москве мечтают переделать ШОС в некое анти-НАТО, в руках ловких и умных китайцев эта организация превратилась в эксклюзивный механизм укрепления их влияния в Средней Азии, поскольку противостояние с НАТО им совсем неинтересно» [16].

Для российских коммунистов, напротив, симпатична идея противодействия НАТО. «Если ШОС станет эффективным инструментом сдерживания западной военно-экономической диктатуры, расширение рамок сотрудничества стоит только приветствовать» — полагает первый заместитель Председателя ЦК КПРФ И. И. Мельников [6].

Лидер КПРФ Г. А. Зюганов видит в ШОС инструмент защиты интересов России. В интервью 25 августа 2008 г. телепрограмме «Вести» он сказал: «Сейчас необходимо провести серьезно ШОС, поработать с Китаем, Индией, с азиатскими странами» [7]. В комментарии от 31 августа 2008 г. он высказался так: «Считаю безусловно правильным и перспективным выстраивание отношений в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и развитие двусторонних отношений со странами Азии. Именно в Азии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе будут происходить главные события XXI века» [3].

Думается, что сближение с Китаем в рамках ШОС для них обретает особую ценность как возможность сближения двух родственных коммунистических идеологий, а также как следствие славянофильско-евразийской риторики, свойственной их современным идеологам.

Российские неоевразийцы, напротив, приветствовали активизацию сотрудничества в рамках ШОС. А. Г. Дугин полагает, что это «реализация политической мечты президента Назарбаева, победа и триумф его евразийского мировидения, последний этап деколонизации мира» [12]. Дугин известен как любитель цветистой фразы. Для него сама идея евразийства значит уже много, и если кто-то делает шаг к ней, пусть даже исключительно внешне и напоказ, это уже вызывает восторг. А. Г. Дугин посвятил книгу концепции «Евразийского Союза», предложенной Н. Назарбаевым в середине 1990-х гг. В ней Дугин отмечает, что «...прослеживание конкретных этапов евразийской интеграции в последнее десятилетие становится почти детективным расследованием, захватывающим повествованием о новом витке “Большой Игры”» [5, 9].

По мнению Дугина, внешняя политика России под руководством Владимира Путина тоже соответствует чаяниям евразийцев. В начале своего прези-

дентства Путин пытался показать, что Россия — часть западного мира. Но после того, как США продолжили утверждать свою гегемонию, не считаясь с интересами России, у нее уже не оставалось выбора: «...У России был и остается единственный шанс сохранить себя как независимое государство и отстоять свою цивилизационную идентичность — это выстраивать мощный евразийский блок, который был бы ориентирован на союз с великими державами Азии. <...> Только мы можем предоставить всему евразийскому материке “ядерный зонтик” как систему коллективной безопасности. С другими евразийскими державами нас сближают как исторические связи, так и общие энергетические проекты вкупе с масштабным экономическим взаимодействием» [4].

Как видим, экономическое взаимодействие с Китаем Дугина не пугает. Впрочем, подробно его он и не анализирует, не подсчитывает скрупулезно плюсы и минусы этого взаимодействия. Гораздо больший восторг у него вызывают перспективы военно-политического сотрудничества, возможность противопоставить что-то Западу: «Однако поскольку я являюсь идеологом евразийства, то я могу себе позволить называть вещи своими именами. В настоящее время Россия и Китай занимаются созданием военного блока, направленного на укрепление многополярного мира, усиление противодействия экспансии НАТО, что наконец-то приобрело необратимый характер» [Там же].

«Демократические евразийцы», к которым, по версии Сергунина, принадлежит и профессор МГИМО А. Д. Богатуров, не склонны противопоставлять Евразию Западу, но признают неизбежность воздействия евразийских перспектив на развитие нашей страны. Он подчеркивает, что «...российские Приморье и Приамурье, оставаясь политически в составе Российской Федерации, в рамках экономической системы АТР функционируют как части хозяйственного организма Китая» [1, 95]. По мнению Богатурова, в этом нет ничего плохого, но руководство страны должно учитывать эту интеграцию в своей политике и действовать исходя из интересов государства и его жителей, поскольку «...районы к востоку от Урала — Сибирь и Дальний Восток — стратегический резерв выживаемости России в XXI в.» [Там же, 90].

Урал, находящийся на стыке Европы и Азии, непосредственно ощущает евразийские вызовы, реагировать на которые нужно безотлагательно и ежедневно. Фактор Китая в этих вызовах играет не последнюю роль. И руководство Урала активно включает его в свою внешнеполитическую стратегию.

В ноябре 2006 г. в Пекине прошла презентация УрФО, в ходе которой Э. Э. Россель предложил китайцам активнее инвестировать в уральскую экономику и недвижимость. Кроме того, много говорилось о роли Урала как транзитных ворот из Азии в Европу [13]. На пресс-конференции 29 ноября 2006 г. Россель наметил большую программу сотрудничества с Китаем после своего визита в Пекин: «По итогам встреч были подписаны соглашения о сотрудничестве. Совместно с корпорацией “Чжили” в Новоуральске на заводе “АМУР” будет организована сборка машин эконом-класса, а совместно с корпорацией “Чжонсин” там будут собираться джипы. <...> Вместе мы договорились о расширении номенклатуры производимой медицинской техники» [18].

Несмотря на то, что производство китайских автомобилей сейчас прекращено, но успешно развивается аэропорт «Кольцово», превращаясь в крупный хаб. Давно и широко масштабно используются на Урале трудовые мигранты из Центральной Азии и Китая. В последние годы губернатор Свердловской области Э. Э. Россель неоднократно заявлял о планах по широкому привлечению китайских трудовых мигрантов. Эти идеи регулярно подвергались резкой критике. Между тем, на наш взгляд, в ближайшие годы альтернативы китайской рабочей силе не будет. Об этом говорит, например, А. Вишневецкий: «...Демографический потенциал даже всех стран СНГ также не очень велик. Численность населения многих из них будет снижаться...» [2, 30].

В этой связи необходимо сказать, что, на наш взгляд, вполне разумным выглядит стремление использовать те выгоды, которое дает России и Уралу евразийское расположение. Взаимодействовать с государствами Азии также необходимо для того, чтобы наиболее адекватно осознать и вписывать национальные интересы страны в евразийский контекст. Взгляды «демократических евразийцев», которые не отрицают и евро-атлантического контекста евразийских проблем, для нас представляются наиболее плодотворными.

1. *Богатуров А. Д.* Российский Дальний Восток в новых геопропространственных измерениях Восточной Евразии // *Мировая экономика и международные отношения.* 2004. № 10. С. 95.
2. *Вишневецкий А.* Многополярность и демография // *Россия в глобальной политике.* 2008. Т. 6, № 1. С. 30.
3. Г. А. Зюганов: Европа не введет санкции против России и на деле не поддержит Саакашвили [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politrussia.ru/life/34702.html>
4. *Дугин А.* Пляска на костях «клуба богатых» [Электронный ресурс]. URL: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=3800>
5. *Дугин А. Г.* Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М., 2004.
6. И. И. Мельников о потенциальной роли ШОС в сдерживании западной военно-экономической диктатуры [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/international/50969.html?print>
7. *Кашин М.* Геннадий Зюганов: без России в мире не решится ни один крупный вопрос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/08/m154369.htm>
8. *Кузьмина Е. М.* Геополитика Центральной Азии. М., 2007. С. 151.
9. *Лузянин С.* Российско-китайское взаимодействие в XXI веке // *Мировая экономика и международные отношения.* 2005. № 5. С. 61–65.
10. *Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М., 2007.
11. *Лукьянов Ф.* Россия между Китаем и Западом [Электронный ресурс]. URL: <http://newtimes.ru/magazine/2008/issue068/doc-51218.html>
12. Рождение нового континентального союза [Электронный ресурс]. URL: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=3138>
13. Россель пригласил китайцев на Средний Урал строить жилье и офисы [Электронный ресурс]. URL: <http://pda.nr2.ru/ekb/91011.html>
14. *Сергушин А. А.* Российские дебаты по международным отношениям в посткоммунистический период // *Российская наука международных отношений: новые направления* / под ред. А. П. Цыганкова, П. А. Цыганкова. М., 2005. С. 97–122.

15. Трифонов Е. Погоня за двумя зайцами // Новое время. 2006. № 26. С. 26.
16. Фельгенгауэр П. Заморозки на нервной почве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/57/01.html>
17. Цыганков А. П. Что для нас Евразия? Пять стратегий российского освоения пространства после распада СССР // Вопр. философии. 2003. № 10. С. 3–17.
18. Эдуард Россель: «Наша область — один из наиболее развитых регионов страны» // Обл. газ. 2006. 2 февр.

Статья поступила в редакцию 08.02.2010 г.

УДК 75.021.32-035.676.332.4

Нин Бо

**ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ФЫН ЧЖЕНЬ —
ВЫПУСКНИЦЫ МАСТЕРСКОЙ Е. Е. МОЙСЕЕНКО
(к вопросу о роли советского художественного образования
в китайском изобразительном искусстве)**

В статье, основанной на китайских литературных источниках и документальных материалах из Научного архива Российской академии художеств, впервые в российском искусствоведении рассматривается творческий путь Фын Чжень (род. 1931) — известной в Китае художницы, педагога и общественно-культурного деятеля, выпускницы (1962) мастерской станковой живописи Ленинградского государственного института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР.

Ключевые слова: китайские художники, Ленинградский институт им. И. Е. Репина, масляная живопись, традиции русской художественной школы.

С начала 1950-х до середины 1960-х гг. в Советском Союзе обучались тысячи студентов, прибывших из Китайской Народной Республики. Двадцать выпускников получили дипломы художников и искусствоведов в Ленинградском государственном институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР. Вернувшись на родину, они сохранили и преумножили знания, полученные в прославленном учебном заведении. По-разному сложились судьбы китайских художников. «Культурная революция» (1965–1976) и осложнение отношений между КНР и СССР не могли не сказаться на их жизни и творчестве. Большинству удалось преодолеть испытания, но были и тяжелые утраты. Так, всего пять лет после возвращения на родину прожил подававший надежды воспитанник мастерской профессора М. П. Бышова театральный художник Ван Баокан (1923–1966). Затравленный и

НИН БО — аспирант кафедры рисунка факультета изобразительного искусства Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург (E-mail: avmonal@yandex.ru).

© Нин Бо, 2010